

Небывалый талант Николая Семёновича Лескова (1831–1895) – одного из крупнейших русских классиков, – созданный им яркий, оригинальный, самобытный художественный мир ни при жизни писателя, ни долгое время после его смерти не могли оценить по достоинству. *“Достоевскому равный, он – прозёванный гений”*, – стихотворная строчка Игоря Северянина о Лескове до недавнего времени звучала горькой истиной. Его пытались представить то бытописателем, то рассказчиком анекдотов, то словесным “фокусником”, в лучшем случае – непревзойдённым “волшебником слова” – и только.

Своеобразие Лескова связано, прежде всего, с его духовно-нравственными воззрениями, во многом определившими идейно-тематическое содержание творчества, его уникальную художественно-образную систему, а также независимую позицию в различных общественных вопросах. Писатель был убеждён в том, что книги должны “не только занять внимание читателя, но дать какое-нибудь доброе направление его мыслям”.

Это “доброе направление” Лесков связывал с христианством, отмечая: “Я имел в виду <...> важность Евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший *смысл жизни*”¹. О “важности Евангелия”, в котором “есть всё, – даже то, чего нет”², замечательный художник слова размышлял, говорил и писал постоянно – до последних дней своих. Он подготовил **“Изборник отеческих мнений о важности Священного Писания. Собрал и издал Н. Лесков”** (1881). В последний период творчества Лесков создал уникальное произведение – **“Зеркало жизни истинного ученика Христова”** (1890), предпослав ему многозначительный эпиграф из Нового Завета: *“Кто не берёт креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня”* (Мф. 10: 38). Важнейшая задача жизни истинного ученика Христова – в соответствии с христианским учением о *“самособирании”* человека – помочь читателю “собрать себя” *“в мыслях, словах и делах”*³, сообразуясь со словами Христа: *“Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что и Я делал”* (Ин. 13:15). Таким образом, “зеркалом жизни” для каждого христианина, считает Лесков, должен быть Сам Иисус Христос: “Старайся вообще, чтобы во всех твоих делах, словах и мыслях, во всех твоих желаниях и намерениях развивалось непременно чистое и согласное настроение к высшей цели жизни, то есть к преобразованию себя по образу или по примеру Иисуса Христа, и будешь тогда *Его ученик*”⁴.

Уже на склоне лет, в 1891 году маститый автор признавался в том, что именно *“хорошо прочитанное Евангелие”* указало ему истинный путь и собственное человеческое призвание.

“Истина, добро и красота” – в этой триединой формуле Лесков выразил идеал, к которому необходимо стремиться.

Как былинного богатыря русского героического эпоса, Лескова, по его словам, “тяготила тяга знания родной земли”, которая получила завершённое художественное выражение в создании объёмно-стереоскопической, порой мозаично-пёстрой картины жизни России. Писатель “насквозь русский”⁵, знавший русского человека “в самую его глубь”⁶, воплотил в своих героях – с их речью, мироощущением, душевными порывами – все существенные особенности национального характера. В прозе Лескова, “как ни у одного другого писателя нашей земли”, открывается “целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверкающей фантазии, расписной, причудливый мир, где Русью пахнет – и сладко, и горько, и нежно, и дымно”⁷.

Лесков вступил на литературное поприще в 1860-е годы, будучи уже зрелым, сформировавшимся человеком с большим жизненным опытом и огромным запасом житейских наблюдений.

Образования в Орловской губернской мужской гимназии, которая в то время “велась из рук вон дурно”, он не завершил. Впоследствии в **“Заметке о зданиях”** (1860) писатель вспоминал: “в о<рловск>ой гимназии, где я учился, классные комнаты были до того тесны, что учителя затруднялись найти ученику, отвечающему урок, такое место, до которого бы не доходил подкапывающий шёпот товарищей, духота всегда была страшная, и мы сидели решительно один на другом”.

Мертвенная схоластика в преподавании, бездушие и даже жестокость по отношению к воспитанникам не могли не отталкивать юного гимназиста. В **“Автобиографической заметке”** (1882–1885) Лесков писал: “Кто нас учил и как нас учили – об этом смешно и вспомнить. В числе наших учителей был один, Вас<илий> Ал<ександрович> Функендорф, который часто приходил в пьяном бешенстве и то засыпал, склоня голову на стол, то вскакивал с линейкой в руках и бегал по классу, колотя нас кого попало и по какому попало месту. Одному ученику, кажется, Яковлеву, он ребром линейки отсёк ухо, как рабу некоему Малху, и это никого не удивляло и не возмущало”.

В то же время в гимназии у Лескова был любимый духовный наставник – талантливый преподаватель Закона Божия отец Евфимий Андреевич Остромысленский (1804–1887). О нём писатель отзывался с особенной теплотой: “Первые уроки религии мне были даны превосходным христианином. Это был орловский священник Остромысленский – хороший друг моего отца и друг всех нас, детей, которых он умел научить любить правду и милосердие”. Неудивительно, что изучение Священного Писания стало для Лескова любимым предметом – единственным, в котором он проявил “отличные успехи”⁸.

Личность Е. А. Остромысленского и его “добрые уроки” писатель впоследствии не раз с благодарностью вспоминал и литературную сберёг в образах православных священников: например, в святочных рассказах **“Привидение в Инженерном замке”** (1882), **“Зверь”** (1883), **“Пугало”** (1885), **“Грабёж”** (1887), в хронике **“Чающие движения воды”** (1867), в “были из недавних воспоминаний” **“Владычный суд”** (1877)...

Так, спустя три десятилетия после выхода из гимназии Лесков посылает литературный поклон своему “превосходному законоучителю”: “Научился я религии у лучшего и в своё время известного из законоучителей о. Евфимия Андреевича Остромысленского <...> я был таким, каким я был, обучаясь православно мыслить от моего родного отца и от моего превосходного законоучителя – который до сих пор, слава Богу, жив и здоров. (Да примет он издали отсюда мною посылаемый ему низкий поклон)”.

“Свои университеты” будущий писатель постигал “самоучкой” (XI, 18). По выходе из гимназии в возрасте пятнадцати лет он поступил на казённую службу, трудился в мелкой должности писца и уже здесь почерпнул немало живого и интересного материала для творчества. Орловские впечатления легли в основу множества лесковских произведений, и не случайно писатель подчёркивал: “В литературе меня считают орловцем”.

Неистощимым источником литературных материалов стала также работа Лескова в коммерческой фирме “Шкотт и Вилькенс”. Впоследствии в **“Заметке о себе самом”** (1890) писатель вспоминал, что “изъездил Россию в самых

разнообразных направлений, и это дало ему большое обилие впечатлений и запас бытовых сведений”.

В начале творческого пути Лесков выступил как публицист. Он сотрудничал в различных периодических изданиях Москвы и Петербурга, и уже первые публикации “новейшего орловца” привлекли внимание читателей актуальной проблематикой, живой достоверностью и объёмностью знаний, честной авторской позицией, искренней интонацией.

Его первым печатным произведением явилась заметка **“О продаже в Киве Евангелия”** (1860). Автор высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не каждому из-за высокой стоимости издания. С тех пор о “важности Евангелия” Лесков размышлял, говорил и писал постоянно — до последних дней своих.

В своей дебютной публикации Лесков верно полагал, что ситуация коммерческих спекуляций с Евангелием препятствует широкому распространению слова Божия в понятной и всякому доступной форме. Стремясь, по его словам, “пролить в массы свет разумения”, Лесков — публицист-просветитель — поднимал множество тем: “О рабочем классе”, “Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России”, “Полицейские врачи в России”, “Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе”, “Торговая кабала”, “Очерки винокуренной промышленности”, “Русские женщины и эмансипация”, “Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению”, “Русские люди, состоящие “не у дел”, “О переселённых крестьянах”, “О литераторах белой кости” и др.

В своих заметках, статьях, очерках, многие из которых и сегодня воспринимаются как остро актуальные, автор не просто высказывал собственное мнение по животрепещущим социально-экономическим, политическим, культурным вопросам, но и обращался к самой сути жизни России, ни на минуту не забывая об ответственной позиции “глашатая истины”, призванного к активной борьбе со злом, произволом, деспотизмом, невежеством, косностью и другими пороками.

30 мая 1862 года в газете “Северная пчела” появилась ставшая злополучной для Лескова его статья о петербургских пожарах **“Настоящие бедствия столицы”**. Автор публикации справедливо призвал бездействующую власть опровергнуть слухи о поджигателях или — если толки небеспочвенны — найти и наказать злодеев. Однако в раскалённой политической атмосфере тех лет эти призывы были истолкованы превратно. Лесков оказался в положении “между двух огней”. “Пожарная статья” вызвала суровые нападки и “справа”, и “слева”: со стороны правящего лагеря своё неодобрение выразил Александр II, радикальная критика фактически объявила Лескову бойкот. Писатель, по его словам, был “распят заживо”, стал мишенью для насмешек и издевательств.

С тех пор он прокладывал себе “третий” путь — “против течений”, искал “противоположную всем дорогу”. “Не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям”, Лесков отказывался “с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного стандарта”. “Своё уединённое положение” писатель подчёркивал в показательной самохарактеристике: “Дело просто: я не нигилист и не аутократ, не абсолютист и не ишу славы моя, но славы пославшего мя Отца”.

Весной 1862 года в периодической печати были опубликованы рассказы **“Погасшее дело”, “Разбойник”, “В тарантасе”**.

Знаменательно, что первым героем лесковской беллетристики стал сельский священник — отец Илиодор. В подзаголовке дебютного своего художественного произведения **“Погасшее дело”** (впоследствии **“Засуха”**) (1862) автор указал: *“Из записок моего деда”*. Дед Николая Лескова умер ещё до рождения внука, но будущий писатель знал о нём от родных: “всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова”. В характере героя “Засухи” многое предвещает центральную фигуру романа-хроники **“Соборяне”** (1872) — Савелия Туберозова, на прототип которого прямо указал писатель в **“Автобиографической заметке”**: “Из рассказов тётки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа “Соборяне”, где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда”. Важно заметить, что дневник Савелия — “Демикотонова книга” — открывается датой 4 февраля 1831 года — это день рождения Лескова (по старому

стилю). Так писатель биографически “включает” себя самого в заветный текст дневника своего героя – бесстрашно проповедника слова Божия, – являет свою родственную и духовную сопричастность “мятежному протопопу”.

Отец Илиодор в “Засухе” – столь же привлекательный и мощный художественный образ. Это настоящий батюшка для крестьян, живущий их нуждами; бескорыстный, готовый без всякой мзды отпевать молебны о дожде, дабы предотвратить неурожай и голод; доброжелательный, участливый, отечески заботливый. Но он может быть и настойчивым, и гневным, когда отговаривает крестьян от их варварского языческого обряда – сделать свечу из умершего от пьянства пономаря с целью прекратить засуху.

Рассказ позднее был объединён автором с рассказом из народной жизни “Язвительный” (1863) под общим заголовком “За что у нас хаживали в каюту”. “Засуха” – также прелюдия к поздней “рапсодии” Лескова “Юдоль” (1892), в которой писатель ровно тридцать лет спустя показал то же дикое невежество “малосмысленной” крестьянской массы – при сходных обстоятельствах (место действия – Орловская губерния, время – голод 1840-х годов и 1891 года).

О пастырском служении – “учить, вразумлять, отклонять от всякого <...> вздора и суеверий” – размышляет герой дебютного рассказа Лескова. Эти раздумья продолжают в его первой большой повести “Овцебык” (1862). Главный герой носит знаменательную фамилию – Богословский – “носитель слова Божьего”. Сын сельского дьячка, выросший в горькой нужде, выучившись в семинарии, отказался от поприща священника, однако не сделался атеистом и нигилистом. Искренне желая просветить народ, Василий Богословский в конце жизни сожалеет, что не стал священнослужителем, к авторитетному слову которого люди привыкли прислушиваться: “Васька, глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель – народу шут, себе поношение, идее – пагубник”.

“Овцебык” – Богословский – “странный зверь в пределах нашей чернозёмной полосы” – списан с натуры. Прототипом эксцентричного героя послужил Павел Иванович Якушкин – известный фольклорист и этнограф, образ которого вошёл в поэму Н. А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо” под именем “Павлуша Веретенников”. Вспомнив Лесков посвятил своему земляку очерк “Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине” (1884).

Наивная попытка героев и повести, и очерка вести пропаганду в народе осталась нереализованной. Сама “идея”, с которой они идут в народ, неясна: “В готовности <...> его жертвовать за избранную идею никому и в голову не приходило сомневаться, но идею эту нелегко было отыскать под черепом нашего Овцебыка”. Богословского не раз именуют “шутом”, “чудаком”, даже “отставным комедиантом”. Якушкин для мужиков – “кто-то ряженный”. У героев нет уверенности в правильности избранного пути: “О, когда б я знал, что с этим можно сделать!.. Я на ощупь иду”.

“Новые люди” – революционные демократы в романе Н. Г. Чернышевского “Что делать?” (1863) – по замыслу автора, знали, куда идти. Писательская интуиция Лескова, не разделявшего позицию революционных “нетерпеливцев”, подсказывала ему, что это трагический путь. Судьбы его героев обрываются тупиком, многозначительно поименованным в повести “Овцебык” словом-символом “некуда”. Убедившись, что жизнью правят “мужи кармана”, подобные коммерсанту Александру Свиридову, Василий Богословский приходит к безнадежному выводу: “...некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь”. Герой кончает жизнь самоубийством.

Выход из тупика и подстерегающей человека трагедии был намечен в лирическом отступлении автора, одном из самых поэтичных фрагментов художественного мира Лескова, – в описании впечатлений от его детских поездок по монастырям, собственных первых опытов православного благочестия, чистой, не замутнённой разъедающим скепсисом веры, общения с монастырским людом, который знает, что разгадки смысла жизни не существует вне Бога.

Исследование вопроса о социальных преобразованиях русской действительности, проблем освободительного движения писатель продолжил в “полемическом” романе “Некуда” (1864). Здесь трагическое слово-образ, ранее прозвучавшее в “Овцебыке”, демонстративно вынесено в заглавие.

Вслед за Тургеневым с его романом “Отцы и дети” (1862) Лесков исследует общественно-исторические противоречия переломной эпохи, проблему

нигилизма, столкновение “отцов и детей”, консервативной и радикальной срезды, “старой” России и “новых людей”, горящим стремлением переустроить общий уклад жизни. Задача автора — “отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами”.

Ранее — в статье **“Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”** (1863) — Лесков сочувственно отзывался о “настоящих нигилистах”, которые “терпеливо идут к своей предположенной цели, заботясь, прежде всего, о водворении в общине самой широкой честности”. В то же время писатель беспощадно заклеил “грубую, ошалелую и грязную в душе толпу пустых и ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофановавших идеи нигилизма”.

“Чистые нигилисты” представлены в “Некуда” в образах Вильгельма Райнера (его прототипом явился Артур Бенни, которому Лесков посвятил очерк **“Загадочный человек”** — 1870), Лизы Бахаревой, Юстина Помады. Это великодушные, самоотверженные, героические натуры, готовые жертвовать собственной жизнью ради идеала “неугасимой жажды света и правды”. Райнер погиб как мученик. Лиза отправилась в путь, чтобы в день казни своего возлюбленного быть рядом с ним. Пережив сильнейшее нравственное потрясение, на обратном пути она простудилась и умерла от воспаления лёгких.

Самозванные нигилисты с их вульгарной профанацией чистых идеалов, призывами “залить кровью Россию” способны только “засорить путь”. С такими попутчиками героям — романтикам высокой нравственной идеи “возможно большего блага для возможно большего числа людей” — идти некуда. Полное фиаско терпит пошлый позёр и прохвост Белоярцев, организовавший Дом Согласия как псевдообразчик социалистического общежития. В реальности такую же неудачу потерпела Знаменская коммуна В. Слепцова, узнавшего себя в образе Белоярцева.

Памфлетность романа, сходство действующих лиц с реальными прототипами вызвали гневную отповедь радикальной критики. Особенно резко высказался идейный вождь русских нигилистов Д. И. Писарев (также земляк писателя — орловец). В статье “Прогулка по садам российской словесности” (1865) он вынес Лескову обвинительный приговор, которому суждено было пристать к имени писателя надолго: “Двадцать лет кряду... гнусное оклеветание нёс я, и оно мне испортило немного — только одну жизнь...”. Двери демократических печатных изданий для Лескова были закрыты: “Ведь просто приткнуться некуда тому, кто написал “Некуда”. Некоторое время Лесков сотрудничал в консервативном журнале “Русский вестник”, редактор которого М. Н. Катков впоследствии заявил о нём: “Этот человек не наш!” Писатель не без оснований поименовал Каткова “убийцей родной литературы”.

Лесковское творчество проникнуто подлинным, некнижным знанием народной жизни. В цикле статей **“Русское общество в Париже”** (1863) автор с гордостью заявлял: “Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне <...>, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги. Я с народом был своим человеком”. Детство будущего писателя прошло у речушки Гостомли на Панином хуторе Кромского уезда Орловской губернии. Не случайно его первые беллетристические произведения о народной жизни, овеянные фольклорно-песенной стихией, отличаются точностью топонимики и этнографии и носят подзаголовок “Из гостомельских воспоминаний”: рассказ **“Ум своё, а чёрт своё”** (1863), “крестьянский роман” **“Житие одной бабы”** (1863) — о красоте, талантливости, человеческого достоинстве и трагической судьбе женщин из простонародья. Словом “житие” автор подчеркнул высоту и святость страдальческой жизни своей героини — гостомельской крестьянки-песельницы Насти Прокудиной.

Острый интерес Лескова к незаурядным, непостижимым женским характеристам сказан также в повести **“Леди Макбет Мценского уезда”** (1865) и очерке **“Воительница”** (1866).

В российской глубинке — в уездном городке Мценск Орловской губернии — писатель отыскал характер шекспировского масштаба. Натура “леди Макбет” — купеческой жены Катерины Измайловой, пылко влюблённой в приказчика Сергея и совершившей во имя этой страсти череду кровавых злодеяний и грех самоубийства, — вызывает изумление и ужас: “Ни в какую типологию характеров не уложишь лесковскую четырёхкратную убийцу ради любви”⁹. Объяснения

с просветительских позиций – губительным влиянием косной среды, страстей, вышедших из-под контроля разума, – будут явно недостаточными.

Подобно Достоевскому, в чьём журнале “Эпоха” впервые была опубликована повесть, Лесков погружается в изучение бездн добра и зла, которые ведут непрерывную битву в душе человеческой. Борьба ангелов с демонами особенно очевидно в сцене убийства ребёнка-наследника. Незадолго до гибели Федя предлагает “тётеньке” почитать житие его Ангела – святого Феодора Стратилата: “Вот угождаль Богу-то”. “Катерина Львовна подперлась рукою и стала смотреть на шевелящего губами Федю, и вдруг словно демоны с цепи сорвались”. Демоническое начало одерживает верх в душе расчётливой и бестрепетной преступницы, одурманенной своей страстью, лишённой религиозного чувства: “уж ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится”.

С точки зрения христианских представлений, зло неуклонно ведёт своих носителей к самоуничтожению. Подобно тому, как в евангельской притче бесы, вошедшие в свиней, бросились в бездну, так Катерина Львовна гибнет в водной пучине, увлекая за собой соперницу и заставляя окаменеть от страха зрителей этой жуткой драмы.

Драматическое в переплетении с комическим представил Лесков в **“Воительнице”**. Героиня очерка Домна Платоновна – также в прошлом мценская купчиха, обосновавшаяся в столице. Эта бойкая “деловая женщина” посвящает себя “отяготительным трудам” и ведёт, по её словам, “самую прекратительную жизнь”. Она участвует в массе мелких торговых и посреднических сделок: сватает женихов и невест, отыскивает деньги под заклад, ищет работу гувернанткам и лакеям, разносит тайные любовные записочки в будуары светских дам. В то же время эти вечные хлопоты – потребность активной, энергичной натуры: “Завистна уж я очень на дело; сердце моё даже взывает, как вижу дело какое есть”. Здесь обнаруживается своего рода артистизм даровитого характера: она “любила своё дело, как артистка: скомпоновать, собрать, состряпать и полюбоваться делами рук своих”. “Петербургские обстоятельства”, где “ещё больше всякий человек ухитряется” и много “пошло обманов да выдумок”, вызывают негативное отношение героини: “отврат, да и только”. В то же время сама она, простая и добросердечная, причастна этому хищному, циничному миру, выступая в низкой роли сводни в истории с попавшей в беду молодой дворянкой Леканидой, чьи душевные терзания Домне Платоновне непонятны.

В конце жизни ей послано своего рода “возмездие” – безоглядная любовь к непутёвому парню Валерке вдвое моложе неё, которому она отдала всё, что имела.

В **“Воительнице”** впервые в творчестве Лескова в полной мере проявилось его неподражаемое мастерство **сказа**, в котором писатель не имел себе равных. Повествовательная форма свободного говорения, устного рассказывания героя – его голосом, в его собственной манере и с характерными интонациями – представляет собой многогранную языковую призму. “Постановка голоса у писателя, – пояснял Лесков, – заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя <...> мои связочки говорят по-духовному, нигилисты – по-нигилистически, мужики – по-мужицки, выскочки из них и скорморохи – с выкрутасами и т. д.”¹⁰. В то же время умение “говорить” устами своих героев становится важнейшим художественным способом постижения самой сути характера, сознания, психологии человека, а также глубинных основ национальной жизни.

В середине 1860-х годов Лесков создал два романа на темы из петербургской жизни – **“Обойдённые”** (1865) и **“Островитяне”** (1866).

Извечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений, представлен в единственном лесковском драматическом произведении **“Расточитель”** (1867). Вслед за А. Н. Островским, чьи пьесы Лесков высоко ценил, он выступает обличителем “тёмного царства”. 60-летний купец Фирс Князев – “вор, убийца, развратитель”. Его антипод – добрый и мягкий Иван Молчанов – предстаёт в роли мученика, жертвы деспотического произвола. Пользуясь своим положением “первого человека в городе” и продажностью суда, старый купец добивается, чтобы Молчанова признали “злостным расточителем” и устранили “от права распоряжения своим имуществом”, которое передаётся в опеку Князеву. Молодой человек, обращаясь к своим истязателям, обличает беззаконие: **“Вы расточители!.. Вы**

расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные – патриство, Бог, история – осудят..”

В лесковский юбилейный год хорошо было бы увидеть его незаслуженно забытую пьесу в репертуарах театров.

Критическое отношение Лескова к росту капиталистических тенденций, влекущих за собой падение идеалов, “меркантилизм совести”, распад человеческих – в том числе родственных – связей, когда все друг с другом “на ножах”, с особой художественной силой выразилось в его творчестве начала 1870-х годов. Роман “**На ножах**” (1871) в нынешнем году также отмечен “круглой датой” – 140 лет со дня создания. Однако при перечитывании его не оставляет ощущение, что читаешь о происходящем в России сегодня.

У романа тоже сложная судьба. Долгое время он не переиздавался, фактически был под запретом. Воспринимаемый одними как “антинигилистический”, другими – как “антибуржуазный”, в своей религиозно-философской основе он воплощает, прежде всего, христианскую концепцию человека и мира.

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от почвы приводят к тому, что бывшие “нигилисты” окончательно перевоплотились в буржуазных дельцов, ловких авантюристов, мошенников, живущих по звериным законам борьбы за существование. Таковы в лесковском романе соучастники преступлений Глафира Бодростина и Павел Горданов, “подлый жид” и ростовщик Тишка Кишенский, его любовница Алинка Фигурина, обокравшая собственного отца, безнатурный “межеумок” Иосаф Висленёв, его сестра Лариса, одержимая гордыней и себялюбием.

Архитектоника “На ножах” сродни архитектонике романа Достоевского “Бесы”, созданного в том же 1871 году, с его хаотичным “бесовским” кружением переродившихся людей, утративших духовно-нравственную опору. Как кошмар, нарастают в лесковском романе преступные происки, шантаж, вымогательство, внезапные исчезновения, маскировки и мистификации, супружеские измены, дуэль, двоемужество, самоубийство, убийства.

“Бесовскому” самоистреблению тёмных сил противостоит светлое созидательное начало духовно-нравственного мира христианской жизни. Её идеалы исповедуют праведница Александра Синтянина, человек чести и долга – “испанский дворянин” Андрей Подозёров, священник отец Евангел, “истинный нигилист” майор Форов и его многозаботливая жена Катерина Астафьева, “умная дурочка” Паинька, “великомученица” Флора. По мысли Лескова, самоотверженная любовь, деятельное добро, милосердие должны стать не только ориентиром, но и нормой человеческих отношений, социально-нравственным регулятором общественной жизни. Следование этим спасительным заповедям поможет уберечься от нравственной порчи, удержаться на краю бездны.

Роман “На ножах” создавался почти в одно время с хроникой “**Соборяне**” (1872) (варианты – “**Чающие движения воды**”, “**Божедомы**”). М. Горький отмечал, что после романа “На ножах” творчество Лескова “становится яркой живописью или, вернее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников”¹¹. Согласно народной легенде, “без трёх праведных несть граду стояния”. Духовно-нравственной опорой жизни Старгорода (место действия “Соборян”) являются три священнослужителя – “мятежный протопоп” Савелий Туберозов, кроткий и смиренный священник Захария Бенефактов и “казак в рясе” дьякон Ахилла Десницын (как бы новый Ахиллес – воин Христов). Они воплощают идеальные образы православного духовенства.

Протоиерей Савелий обладает обострённым нравственным чувством, гражданским самосознанием, могучей деятельной натурой: “не философ я, а гражданин <...> скорблю и страдаю без деятельности”. Непрестанно ощущая в себе горение проповеднического дара – живой речи, направляемой от души к душе, Туберозов отвергает официально-мертвенное и услужливо-опасливое требование церковных властей, “дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчёт чиновников”. Савелий, по его словам, “из-под неволи не проповедник”. Он стремится “насаждать в души семена добра”, воспитывает прихожан не в букве, а в духе христианских идеалов, указывая на живые примеры самоотверженной любви к ближнему (полунищий Константин Пизонский призрел брошенного младенца, стал “питателем си-

рых»). Болея душой за судьбу Родины, Савелий Туберозов убеждён, что нельзя жить “без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... это сгубит Россию”.

Для Церкви, задавленной государственностью, прошло “время слов”, нужны подвиги. Бесстрашный проповедник собирает в храме всех власть имущих и обличает их “бесстрастное равнодушие к добру и злу”, “кривосудство”, “великую утрату заботы о благе Родины”, “небрежение о молитве”, “сведённой на единую формальность”. Отец Савелий порицает “наёмничью молитву” и “торговлю совестью”. На смену умиротворённому любованию “старой сказкой” патриархальной жизни приходят внутренний накал и драматическая напряжённость.

Проникнутая освободительной правдой проповедь Туберозова была воспринята чиновно-бюрократическим аппаратом как “революция” и “бунт”. С этого момента жизнь опального протопопа переходит в “житие”. К концу хроники умирают все три героя “старгородской поповки”. Несмотря на их тревожения, страдания, муки под тяжестью возложенного на себя креста, “Соборяне” оставляют благоговейное впечатление. По словам критика, “на глазах читателя совершается художественное таинство, граничащее с таинством религиозным”¹².

Добиваясь “эпического равновесия” в обрисовке соотнесённости прошлого и настоящей русской жизни, Лесков всё чаще обращался к жанру хроники: **“Старые годы в селе Плодомасове”** (1869), **“Захудалый род”** (1874). Свободная форма не требовала, как в романе, “закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает”. Напротив, “жизнь человека идёт, как развивающаяся со скалки хартия, и я её так просто и буду развивать лентой в предлагаемых мною записках”, – так размышлял писатель о теории жанра в хронике **“Детские годы. Из воспоминаний Меркула Праотцева”** (1874).

В хронике **“Смех и горе”** (1871), первую публикацию которой сопровождало посвящение: *“Всем находящимся не на своих местах и не при своём деле”*, – Лесков представил свою концепцию русской жизни с её мозаичной пестротой, kaleйдоскопической сменой непредсказуемых ситуаций, анекдотических “сюрпризов и внезапностей”, которые поджидают человека на каждом шагу: “что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный”.

В жизни России нет никакой стабильности, постоянства, кроме “притеснений”. Герой-рассказчик, дворянин Орест Маркович Ватажков обескуражен общественным лицемерием, цинизмом, ложью, насилием над личностью. Вездесущий “голубой купидон” Постельников воплощает господствующий порядок полицейского государства с его системой предательства и провокаций. Болезненная правда заключается в том, что в жизни всё хрупко, алогично, абсурдно, так что становится “за человека страшно”. Герой, выпоротый “невзначай”, по ошибке, погибает у “здания новой судебной палаты”.

Социально-политический, национально-исторический, религиозно-нравственный, философский аспекты “встроены” в систему разнополярных координат “смеха и горя”. Сатира хроники подобна гоголевской – “сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы”. Лесков в “открытом письме” П. К. Щербальскому подчёркнул: “...смех мой – не смех злорадства, а смех скорби”. Писатель показал трагикомическое несоответствие реальности идеалу. Благородной натуре сложно вырваться из водоворота социологических парадоксов и метаморфоз. Человек не в состоянии управлять своей судьбой, его стремления бессильны перед запутанным клубком разнонаправленных желаний и целей других людей.

Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: “Я стал думать ответственно, когда написал “Смех и горе”, и с тех пор остался в этом настроении – критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном”.

Стихия трагикомического – “драмокомедия” как выражение “трагических усмешек судьбы” – нашла воплощение в шедевре Лескова **“Очарованный странник”** (1873). Писатель проследил историю жизни Ивана Северьяновича Флягина – настоящего русского богатыря по физической силе и духовной мощи. “Одиссея” жизненного пути с его разнообразными “очарованиями” разворачивается перед “чернозёмным Телемаком” (таков был один из вариантов заглавия) подобно вечному странствованию человека по дорогам жиз-

ни — “от одной стражбы к другой”. Внешне напоминающей былинного Илью Муромца, “очарованный странник” столь же эпичен: герой олицетворяет национальный опыт и сам дух нации, эволюцию характера русского человека, его духовное восхождение. В финале он становится монахом. Но это ещё не конец его пути-дороги. Он жаждет эпического подвига. Последнее “очарованье” “богатыря-черноризца” — “помереть за народ”.

“Сага” Ивана Северьяновича — затейливая сказовая речь во всей её многокрасочности — звучит на борту судна, плывущего по Ладоге. За год до создания “Очарованного странника” Лесков написал цикл “путевых заметок” **“Монашеские острова на Ладожском озере”** (1872) — итог своего путешествия по русскому Северу — средоточию православных монастырей. В воображении автор пытался восстановить истории жизни своих сопутников-монахов. Почему они бежали от мирской суеты? Какие беды оставили позади? Чьи грехи искупали? Что привело их к тому, чтобы отказаться от мира и сосредоточиться на мыслях о Боге? Ответы на эти вопросы даны в повести “Очарованный странник”, герой которой исповедал свою жизнь “со всею откровенностью своей простой души”.

Глубинные религиозно-нравственные устои народной жизни, эмоциональную и эстетическую отзывчивость русского человека воплотил Лесков в общепризнанном шедевре **“Запечатлённый Ангел”** (1873), который “наравился и царю, и пономарю”. Это уникальное литературное творение, в котором главным “действующим лицом” становится икона. В тот же год Лесков написал статью **“О русской иконописи”**, в которой указал на огромное значение иконы в жизни народа, ратовал за возрождение русского иконописного искусства. Сам писатель в “Запечатлённом Ангеле” выступил как искусный “изограф”-иконописец, передавая в слове “неописуемую” предивную красоту русских икон, “тип лица небожительный”.

Своё творение автор снабдил подзаголовком “рождественский рассказ”. Однако по объёму это скорее повесть, в развёрнутом сюжете которой соблюдены все правила и каноны святочного жанра. Писательское мастерство столь велико, что жанровые условности не ограничивают, а наоборот — стимулируют фантазию и изобретательность художника. Именно такой творческий подход Лесков сохранил и тогда, когда святочный рассказ стал постоянным жанром его писательского репертуара 1880-х — начала 1890-х годов. Автор гордился тем, что именно после его “Запечатлённого Ангела” святочные рассказы “опять вошли в моду”, то есть стала возрождаться и развиваться традиция целого уникального пласта русской культуры.

Кроме того, первый опыт рождественского рассказа воздействовал не только на литературный процесс (пасхальный шедевр А. П. Чехова “Святою ночью” (1886) — этюд в лесковской манере), но и на дальнейшие творческие искания самого Лескова. Именно “святочная модель” — та жанровая канва, которая зарождалась в “Запечатлённом Ангеле”, — была спроецирована затем на многие лесковские произведения из циклов **“Святочные рассказы”** (1886) и **“Рассказы к стати”** (1886).

Непрерывное в святочном повествовании “чудо” в “Запечатлённом Ангеле” — ключевое слово и образ. Весь комплекс “чудес”, “дивес”, “преувеличенных штук” на глазах “дивозрителей” неуклонно подводит к главному чуду — осуществлению желания “воедино одушевиться со всею Русью”. Прорыв старообрядческой замкнутости в большой мир, отказ от религиозного догматизма, соединение людей разных национальностей, конфессий, общественного положения — все эти важнейшие итоги общечеловеческой солидарности базируются на сокровенной вере Лескова в то, что все — “уды единого тела Христовя! Он всех соберёт!” Писатель выводит традиционную в святочном рассказе идею сплочения из тесных рамок семейно-бытового круга на уровень вневременной, межнациональный, общечеловеческий. Это тем более важно, что Лесков с болью наблюдал распад человеческих связей: “с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы всё казалось обновлённое, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивою вывела”.

Однако даже в атмосфере “суетного и суетливого времени” писатель одушевлён верой в духовность человека. Иконописный лик Ангела остался неповреждённым под чиновничьей сургучной печатью. Праведный старец Памва иносказательно предсказывает грядущее “распечатление” Ангела: “Он в душе человеческой живёт, суемудрием запечатлён, но любовь сокрушит печать”.

Не дать порваться связи времён и поколений, восстановить “тип высокого вдохновения”, “чистоту разума”, который пока “суеете повинуются”, поддержать “своё природное художество” – таковы главные цели автора.

Воплощением религиозно-нравственных представлений русского народа об идеальном человеке – заданным в Евангелии христианским идеалом совершенства (“поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны” (Ин. 3: 21) – является тип праведника. Тема праведничества – магистральная в творчестве Лескова. Идея цикла **“Праведники”** (1879–1889) кристаллизовалась с самого начала творческого пути художника. Почти в каждом его произведении, начиная с ранних, оживают типы людей “высокой пробы” всех сословий и званий, которые представляют собой “отрадные явления русской жизни”¹³. В этом отношении Лесков – уникальная фигура в истории русской словесности. Писатель, “как очарованный, сподобился всю жизнь стоять перед чудом человеческого подвига и подвижничества, и до конца понял и схватил эту героическую стихию”¹⁴. Праведники, написанные по внутреннему заданию “оправдать Русь”, – своеобразные, колоритные, иногда причудливые, – воспроизводят светлые явления русской жизни.

В предисловии к рассказу **“Однодум”** (1879) с целью опровержения крайне пессимистического заявления А. Ф. Писемского, объявившего, что он видит во всех своих соотечественниках одни только “мерзости”, Лесков возвестил: “Мне это было и ужасно, и несносно, и пошёл я искать праведных, пошёл с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трёх праведных, без которых “несть граду стояния”. “У нас не переводились, да и не переведутся праведные, – утверждал писатель в рассказе **“Кадетский монастырь”** (1880). – Их только не замечают, а если стать присматриваться – они есть”.

Лесковские праведники воплощают идеал активного, деятельного добра. Самоотверженная любовь к ближнему в соединении с настойчивым практическим деланием – основной признак и качество праведности. “Это своего рода маяки”¹⁵, – утверждал писатель в очерке **“Вычегодская Диана (Попадьяохотница)”** (1883), развивая концепцию “героев и праведников”.

Лесков не устаёт восхищаться характерами, хранящими в себе особенные, оригинальные и высоконравственные черты, “живой дух веры”. Персонажи, принадлежащие к праведническому типу, как характеры живые, полнокровные наделены индивидуальной неповторимостью: каждый из героев воплощает собственное духовно-субстанциональное начало, отражённое в различных явлениях социально-этического порядка. Таковы, например, неподкупность “неберущего квартального” Рыжова (**“Однодум”**), бессребрничество Николая Фермора, стремление к святости Брянчанинова и Чихачёва (**“Инженеры-бессребреники”**), совестливость, благородство, участливость Перского, Боброва, Зеленского и отца-архимандрита (**“Кадетский монастырь”**), духовный свет “русских богоносцев”-священнослужителей (**“Некрещёный поп”**, **“Владычный суд”**, **“На краю света”**), патриотизм и талантливость Левши (**“Сказ о тувльском косом левше и о стальной блохе”**), где Лесков достигает таких вершин мастерства узорчатой сказовой речи, в которой “русский дух” и “Русью пахнет”, что перевод этого художественного шедевра на иностранные языки становится неразрешимой проблемой¹⁶). Готовы на подвиг самоотвержения во имя высокого человеколюбия герои рассказов **“Павлин”**, **“Пигмей”**, **“Русский демократ в Польше”**, **“Несмертельный Голован”**, **“Тупейный художник”**, **“Человек на часах”**, **“Пугало”**, **“Дурачок”**, **“Томление духа”**, **“Фигура”** и других.

Лесков поднимает вопрос о праведническом подвижничестве на религиозно-философский уровень, связывая основополагающие принципы религии с насущными задачами социальной жизни. Его “маленькие люди с просторными сердцами” – не канонические святые, но их “тёплыми личностями” согревается жизнь. Праведность возвышается “над чертой простой нравственности”, и потому сродни святости¹⁷, – размышлял писатель в **“Русских антиках”** (1879). В статье **“Два слова о редстокистах”** (1876) он говорил “об оправдании живою, действенною верою, то есть верою и делами”: “Нужны подвиги, подвиги благочестия, правды и добра, без которых не может жить в людях дух Христов, а без него суетны и тщетны и слова, и поклонения”¹⁸.

Проникая в существо лесковского художественного феномена праведничества, Б. К. Зайцев – христианиннейший писатель XX века – подчеркнул, что это “рука, протянутая человеком к человеку во имя Бога”¹⁹.

Параллельно с рассказами о праведниках Лескова создавал цикл “проложных” повестей (1886–1891) – “византийских легенд”, “сказаний”, “апокрифов”, основанных на житийных сюжетах древнепечатного “Пролога”. Произведения из раннехристианской жизни Египта, Сирии, Палестины “**Лучший богомолец**”, “**Прекрасная Аза**”, “**Легенда о совестном Даниле**”, “**Лев старца Герасима**”, “**Скоморох Памфалон**”, “**Зенон-златокузнец**” (впоследствии – “**Гора**”) и другие под своеобразной декоративно-художественной тканью древних красок и образов выводили проблему праведничества на уровень межнациональный, вселенский, утверждали вневременные религиозно-нравственные идеалы.

Многие из “византийских легенд” создавались под влиянием этико-философских воззрений Л. Н. Толстого, с которым “совпал” Лесков. Толстой, в свою очередь, писал о Лескове: “Какой умный и оригинальный человек”. В то же время Лесков не принимал “крайностей” “яснополянского мудреца” и его восторженных подражателей. Полемизируя с ними в статьях “**О рожне (Увет сынам противления)**” (1886), “**Загробный свидетель за женщин**” (1886), Лесков продемонстрировал “разномыслие” с Толстым, самостоятельность религиозно-философской позиции. Православное по сути лесковское мироощущение во многом определяло своеобразие поэтики его поздних произведений. Так, аллегорический образ героини, истинное имя которой Любовь, в сказке-притче “**Маланья – голова баранья**” (1888), как и образы многих женщин-праведниц в творчестве Лескова, напоминает сострадательного-одухотворённые женские лики русских икон.

В рассказе “**По поводу “Крейцеровой сонаты”**” (вариант заглавия – “**Дама с похорон Достоевского**”) (1890) Лесков вступил в творческий диалог и мировоззренческую полемику с Достоевским и Л. Толстым, противопоставляя их суровому этическому максимализму милосердный, божеский взгляд на морально-нравственные проблемы: “Бог вам судья в этом деле, а не я <...> победите самую себя, а не убивайте других, делая их несчастными”²⁰. В своём “художественном поучении” Лесков выступил и как проповедник христианских истин, и как духовный наставник своих читателей.

В циклах рассказов из жизни церковного быта “**Мелочи архиерейской жизни**” (1878–1880), “**Заметки неизвестного**” (1884), поверхностно воспринятых как антиклерикальные, писатель “расчищал подходы к храму”, в котором, по его убеждению, должны служить только чистые сердцем, наделённые высочайшей духовностью слуги Божии. Лесков критиковал не идею Церкви, а людей, считающих себя ей причастными, однако далеко отстоящих от её идеалов. “Выметая мусор” из храма, автор “Мелочей архиерейской жизни” создал в то же время “уповательные” образы русского православного духовенства, которые явились “болеутолителем” для Лескова, глубоко страдавшего при виде внутренних церковных “нестроений”.

В 1889 году был запрещён и приговорён к сожжению отпечатанный VI том Собрания сочинений Лескова, куда вошли “Мелочи архиерейской жизни”. Ранее за очерк “**Поповская чехарда и приходская прихоть**” (1883) писатель был уволен со службы в министерстве народного просвещения. Цензура продолжала преследовать Лескова. “У меня целый портфель запрещённых вещей”, – говорил писатель.

В последние годы жизни и творчества – с 1891-го по 1894 год – Лесков создаёт произведения, открыто направленные против правящей “элиты”, сурово обличающие российскую “социабельность”: “**Полунощники**”, “**Юдоль**”, “**Импровизаторы**”, “**Загон**”, “**Продукт природы**”, “**Зимний день**”, “**Дама и фефёла**”, “**Административная грация**”, “**Заячий ремиз**”. Усиление социально-критического пафоса поздних лесковских рассказов и повестей связано, прежде всего, с созидательным “стремлением к высшему идеалу”. Вслед за Тертумлианом Лесков был уверен, что “душа по природе христианка”. Поэтому неудивительно, что произведения, полные горечи и сарказма, освещаются изнутри светом Божественной истины. Знаменательны слова тёти Полли в “рапсодии” “**Юдоль**” (1892): “Надо подниматься!”

Герой “прощальной” повести Лескова “**Заячий ремиз**” (1894) Оноприй Перегуд видит “цивилизацию” в сатанинском коловращении “игры с болванами”,

социальными ролями, масками. Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана и насилия над личностью отразился в Перегудовой “грамматике”, которая только внешне кажется бредом сумасшедшего и заканчивается молитвой “за всех”: “Пожалей всех, Господи, пожалей!”

Лесков на новом духовном и эстетическом уровне подвёл итоги темам и проблемам, которые он разрабатывал на протяжении всего писательского пути. Духовное прозрение героя в финале “Заячьего ремиза” знаменует обостренную духовную зоркость и самого автора.

В то же время повесть требует основательной дешифровки, поскольку сам писатель предупреждал о том, что в ней есть “деликатная материя”, что всё “тщательно маскировано и умышленно запутанно”.

В “загоне” жизни Лесков ощущал настоятельную необходимость позитивных начал. Он выстраивал свою художественную модель мира: путь от злобы, богоотступничества, предательства, духовно-нравственного разложения, распада человеческих связей к искуплению вины через покаяние и деятельное добро, следование идеалам Евангелия и завету Христа: “Иди и впредь не греши” (Ин. 8: 11), к единению “во имя всех создавшего Бога”.

От добровольно возложенной на себя обязанности “выметальщика сора из храма” Лесков в последние годы переходит к реализации своего высокого творческого призвания — к художественной проповеди. Так, в рассказе “**Под Рождество обидели**” (1890) он убеждает читателя вместе с автором приобрести к поискам истины: “Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю <...> обдумай — с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона или с Тем, который дал тебе “глаголы вечной жизни”...”

Лесков — писатель “непостыдной совести”, которая требовала особого рода духовного призвания и творческого созидания. “Литература — тяжёлое, требующее великого духа поприще”, — говорил он. Несмотря на критический пафос, вызванный горячим желанием видеть свою Родину “ближе к добру, к свету познания и к правде”, каждой лесковской строке свойственна “скрытая теплота” (так называлась одна из поздних статей Лескова с эпиграфом: “Скрытая теплота не поддаётся измерению”²¹).

Особенность творчества Лескова такова, что за конкретно-историческими фактами русской реальности у него всегда проступают вневременные дали, открываются духовные перспективы, “мимотекущий лик земной” соотносится с вековечным, непреходящим. “Думаю и верю, что “весь я не умру”, — писал Лесков за год до смерти — 2 марта 1894 года, — но какая-то духовная постань уйдёт из тела и будет продолжать вечную “жизнь”.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 тт. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. Т. 11. С. 233. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

² Лесков Н. С. Новозаветные евреи (рассказы кстати) // Новь. 1884. Т. 1. С. 72.

³ Лесков Н. С. Зеркало жизни истинного ученика Христова. М.: 1890. С. 5.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: В 2 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 191.

⁶ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 тт. — М.: ТЕРРА, 1996. Т. 3. С. 206. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

⁷ Нагибин Ю. О Лескове // Нагибин Ю. Литературные раздумья. — М.: Советская Россия, 1977. С. 75–80.

⁸ См.: Лесков А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 117.

⁹ Аннинский Л. А. Лесковское ожерелье. М.: Книга, 1982. С. 90.

¹⁰ Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нём. СПб, 1904. С. 273–274.

¹¹ Горький М. Н. С. Лесков // Собр. соч.: В 30 тт. — М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 231.

- ¹² Волинский А. Л. Литературные заметки. Н. С. Лесков // Северный вестник. СПб, 1897. № 1. С. 306.
- ¹³ Цит. по: Фаресов А. И. Против течений: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нём. СПб, 1904. С. 381.
- ¹⁴ Сувчинский П. П. Знамение былого. О Лескове // Московский журнал. 1995. № 3. С. 3.
- ¹⁵ Лесков Н. С. Вычегодская Диана (Попадья-охотница) // Новости и Биржевая газета. 1883. 9 июня. № 67.
- ¹⁶ Эджертон У. Почти неразрешимая проблема: перевод прозы Лескова // Leskoviana. Bologna Editrice Clueb, 1982.
- ¹⁷ Лесков Н. С. Русские антики (Из рассказов о трёх праведниках) // Еженедельное новое время. 1879. 20 сентября. № 37-38.
- ¹⁸ Лесков Н. С. Два слова о редстокистах (Письмо в редакцию Ц<ерковно>-О<бщественного> вестника // Церковно-общественный вестник. 1876. 24 ноября. № 129.
- ¹⁹ Зайцев Б. Н. С. Лесков (к 100-летию рождения, заметки 1931 года) // Аврора. 2002. № 1. С. 81.
- ²⁰ Фаресов А. И. Н. С. Лесков в последние годы // Живописное обозрение. 1895. 5 марта. № 10.
- ²¹ Лесков Н. С. Скрытая теплота // Новое время. 1889. 2 (14) января. № 4614.